

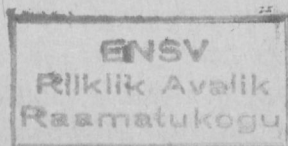
Ө. Ө. КОКОШКИНЪ.

РЕСПУБЛИКА.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Ө. Ө. КОКОШКИНЪ.

РЕСПУБЛИКА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Синодальная типография.
1917.

EESTI

RAHVUSRAAMATUKOGU

2-04-0792P

О Государственномъ строѣ въ Россіи ¹⁾.

Центральный комитетъ нашей партіи возложилъ на меня обязанность сдѣлать съѣзду докладъ о пересмотрѣ политическаго отдѣла нашей программы. Настроеніе въ пользу пересмотра этого отдѣла опредѣлилось совершенно ясно, опредѣлилось, какъ я убѣжденъ, безповоротно. И если бы наша задача заключалась только въ томъ, чтобы выявить то настроеніе, которое существуетъ сейчасъ въ Россіи, то можетъ быть для этого не требовалось бы никакого доклада; достаточно было бы поставить этотъ вопросъ на голосованіе и онъ былъ вѣроятно разрѣшенъ здѣсь единогласно.

Но я думаю, что было бы несогласно и съ духомъ нашей партіи, и съ нашимъ прошлымъ, и съ тѣми приѣмами, которыми мы всегда пользовались, и съ той отвѣтственностью, которая лежитъ на насъ передъ населеніемъ, разрѣшить вопросъ такимъ образомъ. Мы принимаемъ историческое рѣшеніе, мы переходимъ великую историческую грань, мы переходимъ ее и сами за себя, и за ту часть страны, на которую можетъ вліять наше рѣшеніе. И это рѣшеніе, которое мы принимаемъ, не можетъ являться однимъ

¹⁾ Докладъ, прочитанный 7-му Съезду Партіи Народной Свободы, 25 Марта 1917 г. въ Петроградѣ.

отголоскомъ непосредственнаго чувства; мы не можемъ только подхватить общій кличь, отъ насъ ждуть другого; отъ насъ ждуть, что то, что подсказано намъ непосредственнымъ чувствомъ, мы провѣримъ передъ судомъ холоднаго разума и что общее настроеніе мы превратимъ въ настоящее убѣжденіе. Отъ насъ ждуть также, что мы не ограничимся въ своемъ рѣшеніи вопроса о формѣ правленія одной общей отвлеченной формулой, которая на устахъ у всѣхъ,—формулой о демократической республикѣ... Отъ насъ ждуть, что мы внесемъ въ эту форму нѣкоторыя конкретныя черты.

Гг., 11 лѣтъ тому назадъ мы включили въ нашу программу пунктъ, которымъ мы признали желательной формой правленія для Россіи парламентарную монархію. Когда мы принимали этотъ пунктъ, насъ, нельзя было назвать, однако, монархистами въ точномъ значеніи этого слова. Мы никогда въ своемъ большинствѣ не считали монархію, хотя бы и парламентарную, наилучшей формой правленія; никогда монархія конституціонная или парламентарная не была для насъ, какъ для монархистовъ въ точномъ значеніи этого слова, тѣмъ верховнымъ принципомъ, которому бы мы подчиняли всю нашу политическую программу. Монархія была для насъ тогда не вопросомъ принципа, а вопросомъ политической цѣлесообразности. Еще на нашемъ учредительномъ съѣздѣ была высказана и подчеркнута именно эта мысль; еще на нашемъ учредительномъ съѣздѣ въ Москвѣ происходившемъ во время великой октябрьской забастовки 1905 года раздавались голоса, высказывавшіеся принципиально въ пользу республики и подчинившіеся общему рѣшенію,

только какъ рѣшенію, основанному на соображеніи политической цѣлесообразности даннаго историческаго момента.

Послѣ того миѣ въ печати пришлось вести полемику съ однимъ изъ нашихъ политическихъ противниковъ, престарѣлымъ ученымъ историкомъ. Этотъ нашъ политическій противникъ указывалъ, и въ видѣ обвиненія противъ насъ, что монархія является для насъ, какъ онъ выражался, не цѣлью, а средствомъ. Въ своемъ отвѣтѣ ему я указалъ, что онъ совершенно правъ, что монархическая форма правленія, которую мы тогда отстаивали, есть не цѣль, а только средство, при помощи котораго мы рассчитываемъ приблизиться къ осуществленію нашихъ политическихъ идеаловъ, къ осуществленію тѣхъ принциповъ, которые мы кладемъ въ основу нашей программы. Мы, гг., въ вопросѣ о государственномъ строѣ всегда отличали вопросъ о формѣ отъ вопроса о существѣ и содержаніи. Вопросъ о формѣ—это вопросъ о той горделивой вершинѣ, которая увѣнчиваетъ пирамиду исполнительной власти; вопросъ о существѣ—это вопросъ о самомъ содержаніи политическаго строя. Этотъ второй вопросъ всегда былъ для насъ основнымъ и самымъ важнымъ.

Наша программа утверждена на трехъ основныхъ принципахъ: въ отношеніи государства мы отстаивали всегда неприкосновенность началъ гражданской свободы и равенства. Мы будемъ отстаивать эти начала и впредь отъ всѣхъ посягательствъ, откуда бы они не исходили. Это одинъ изъ основныхъ фундаментовъ нашей программы, принципъ освободительный и либеральный, служащій однимъ изъ трехъ нашихъ устоевъ.

Другимъ основнымъ принципомъ, касающимся внутреннего строя государства является для насъ принципъ обезпеченія полного господства народной воли, принципъ демократическій. Это второй нашъ устой.

И третьимъ нашимъ принципомъ всегда являлся и является принципъ, относящійся къ задачамъ государственной дѣятельности и заключающійся въ осуществленіи началъ соціальной справедливости, широкихъ реформъ, направленныхъ къ удовлетворенію справедливыхъ требованій трудящихся классовъ.

Наши политическіе противники, по поводу этого пункта упрекали насъ въ томъ, что мы стоимъ на почвѣ социализма. До извѣстной степени, гг., они были правы. Дѣйствительно, мы въ этомъ пунктѣ нашей программы стали на почву социалистическаго міровоззрѣнія, не того, конечно, социалистическаго міровоззрѣнія, которое считаетъ возможнымъ измѣнить экономическій строй путемъ насильственнымъ, путемъ захвата, а на почвѣ того воззрѣнія, которое полагаетъ, что человѣчество постепенно вростаетъ въ новый соціальный строй и что задача демократическихъ партій заключается въ томъ, чтобы всѣми силами способствовать возможно болѣе успѣшному, быстрому, и безболѣзненному ходу этого процесса.

Таковы были три принципа, на которые мы опирались. Осуществленіе ихъ представляло нашу цѣль, а все остальное служило средствомъ для этой цѣли. Гг., 11 лѣтъ тому назадъ мы рѣшали вопросъ о формѣ правленія и считали, что по условіямъ тогдашняго политическаго момента для того, чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ по пути къ нашимъ цѣлямъ,

политически - цѣлесообразнымъ является превращеніе той монархіи, которая существовала у насъ и которая только что приняла принципъ представительныхъ учреждений, въ монархію парламентарную.

Троякого рода соображенія руководили нами, когда мы такимъ образомъ формулировали эту нашу политическую программу. Прежде всего мы исходили изъ оцѣнки историческаго значенія конституціонной парламентарной монархіи. Мы знали, что конституціонная монархія есть ничто иное, какъ компромиссъ, что она не есть выраженіе какого-нибудь чистаго принципа, но что она есть компромиссъ между началомъ народоправства и началомъ абсолютизма. Но этотъ компромиссъ для большинства народовъ являлся исторической переходной ступенюю отъ абсолютизма къ послѣдовательному и полному осуществленію народоправства. Исторія показываетъ что скачки отъ абсолютизма къ народоправству рѣдко бывали удачны; что они часто вызывали весьма мучительный и опасный рецидивъ личной власти. Парламентарная монархія была въ нашихъ глазахъ прежде всего такой переходной ступенюю, черезъ которую переходъ отъ абсолютизма къ народоправству могъ бы совершиться наиболѣе легкимъ образомъ.

Далѣе, мы имѣли въ виду, что парламентарная монархія въ широкомъ своемъ осуществленіи, сводитъ съ практической точки зрѣнія, различіе между парламентарнымъ монархическимъ образомъ правленія и республиканскимъ къ незначительному минимуму. Англія страна во всякомъ случаѣ, не менѣе свободная, чѣмъ Франція, и Англія есть страна несравненно болѣе свободная, чѣмъ Мексика, Венецуэлла или нѣкоторыя

другія республики Южной и Центральной Америки.

Въ третьихъ, высказываясь въ то время за монархію, мы принимали также во вниманіе,—и это было главнымъ нашимъ мотивомъ,—отношеніе населенія къ монархіи, уваженіе къ взглядамъ и привычкамъ населенія въ этомъ отношеніи.

Монархія вообще зиждется не столько на какихъ-либо рациональныхъ соображеніяхъ, сколько на вѣковыхъ привычкахъ населенія, въ силу которыхъ представленіе о государствѣ въ этомъ населеніи воплощается въ какомъ-либо живомъ символѣ. Тогда, 11 лѣтъ тому назадъ, монархическое начало въ Россіи было глубоко потрясено, но еще не было вырвано съ корнемъ. Широкіе слои народа еще не утратили привычки связывать свое представленіе о государствѣ съ символомъ, воплощенномъ въ опредѣленномъ лицѣ. И мы не считали тогда себя въ правѣ навязывать народу наши собственные идеалы. Я считаю, г.г. что мы поступили правильно, принявъ тогда это рѣшеніе. Если бы мы не приняли его тогда вмѣстѣ со всею сочувствующей намъ Россіей, можетъ быть, послѣдующій ходъ событій былъ бы менѣе благопріятенъ, чѣмъ нынѣ. И можетъ быть, по истеченіи 11 лѣтъ, народоправство не упало бы въ руки страны такимъ зрѣлымъ плодомъ, какъ въ настоящее время.

Но если мы считали политически цѣлесообразнымъ стоять на этой почвѣ тогда, то теперь, по истеченіи этихъ 11 лѣтъ, все условія кореннымъ образомъ измѣнились. Эти 11 лѣтъ не прошли даромъ для Россіи и для русскаго народа. Эти 11 лѣтъ, при господствѣ несовершенныхъ и искаженныхъ представительныхъ учрежденій, тѣмъ не менѣе, были великой

школой для русскаго народа. Въ эти 11 лѣтъ политическое развитіе Россіи совершалось гораздо быстрѣе, чѣмъ развитіе, совершавшееся при аналогичныхъ обстоятельствахъ во многихъ другихъ государствахъ...

Въ теченіе 11 лѣтъ, отъ установленія въ Россіи представительныхъ учрежденій до настоящаго момента, шель двоякій процессъ историческаго развитія. Съ одной стороны непрерывнымъ и быстрымъ ходомъ шель процессъ въ развитіи государственнаго самосознанія народа. Тѣ несовершенныя представительныя учрежденія, которыя существовали, не только открывали возможность для такого политическаго созрѣванія народа, но болѣе того,—именно своимъ несовершенствомъ, именно своимъ противорѣчіемъ народнымъ стремленіямъ и народнымъ идеаламъ они стимулировали, они поощряли еще болѣе процессъ этого развитія.

По мѣрѣ выясненія въ народномъ сознаніи идеи государства, личный символъ становился все менѣе и менѣе нужнымъ, и въ конечномъ результатѣ этого процесса, когда русскій народъ сталъ передъ міромъ во весь свой ростъ, неожиданно для многихъ выяснилось, что онъ перешель ту стадію политическаго развитія, когда представленіе о государствѣ для населенія невозможно безъ личнаго символа.

Вмѣстѣ съ этимъ процессомъ шель и другой параллельный процессъ, который вель къ тому же исходу. Монархія подверглась испытанію. Предъ нею стояли два пути. Если бы она пошла по пути признанія народныхъ правъ и исполненія данныхъ обѣщаній, то можетъ быть, тогда судьба была бы такова,

какой она является въ рядѣ государствъ Западной Европы; можетъ быть компромиссъ оказался бы столь же живучимъ, какъ и тамъ.

Но монархія пошла инымъ путемъ. Въ теченіе этихъ 11 лѣтъ она, постоянно попирая права народа, разрушала въ сознаніи народа ту связь, которая существуетъ въ монархіи между представленіемъ о монархѣ и представленіемъ о государствѣ. Монархія своими собственными руками готовила свою гибель, она подрывала свои основанія. Этотъ процессъ въ концѣ концовъ завершился великой войной. Въ теченіе войны вопросъ о монархіи сталъ самымъ острымъ образомъ передъ самыми широкими кругами населенія. Старая формула «за царя и отечество» подверглась предъ лицомъ всего народа провѣркѣ на дѣлѣ, и оказалось, что она утратила всякій смыслъ. Во время войны стало ясно, что нельзя стоять одновременно за царя и за отечество. Монархія встала противъ отечества и можно было идти либо за царя, либо за отечество. И для народа не могло быть выбора. Народъ и наша доблестная армія стали за отечество противъ царя. Монархія рухнула сразу и безповоротнo, она пала такъ, какъ падаетъ сразу долго подгнивавшее дерево при порывѣ вѣтра. Война была экзаменомъ, она была экзаменомъ и для монарха, и для народа, и выводъ экзамена этого такой: народъ выдержалъ экзаменъ на свою зрѣлость, онъ окончилъ свой предварительный политическій курсъ и перешелъ въ слѣдующую эпоху исторіи, а монархія не выдержала экзамена, она осталась позади, въ прошломъ. Какъ справедливо говорится въ только что прочитанной телеграммѣ нашего стараго уважаемаго вождя И. И. Петрункевича, мо-

нархія «совершила надъ собою актъ самоубійства», и не намъ воскрешать ее.

Монархія погибла, и положеніе въ настоящее время таково, что не только мы, не только партія, которая не была монархической въ полномъ значеніи этого слова, но и убѣжденные монархисты, если они только искренно привязаны къ родинѣ, отстаивать монархію не могутъ. Вся сила монархіи заключается въ ея преемственности, въ непрерывности традицій, но этой преемственности монархіи въ настоящую минуту нѣтъ. Она уже оборвалась, и связать разорванные нити нельзя.

Рѣчь можетъ идти теперь не о продолженіи существующей монархіи, а о ея возстановленіи, о реставраціи, и никакая партія, которая сколько нибудь связана съ демократическими принципами, теперь, когда монархія уже погибла, не можетъ ставить своей цѣлью реставрацію того, что уже не существуетъ. Если прежде искренне убѣжденныхъ республиканцевъ въ вопросѣ о формѣ правленія могло останавливать то соображеніе, что нельзя осуществить ихъ идеалъ, безъ пролитія крови, то эти самыя соображенія теперь говорятъ противъ монархіи, даже въ глазахъ убѣжденного монархиста и говорятъ за республику.

Республика фактически уже существуетъ. Конечно, форма правленія въ Россіи юридически не опредѣлена. опредѣленіе ея принадлежитъ будущему учредительному собранію, но тотъ временный порядокъ, который существуетъ фактически, является порядкомъ не монархическимъ, а республиканскимъ, и это обстоятельство не можетъ не оказать вліянія на бу-

дущее окончательное, рѣшеніе вопроса въ учредительномъ собраніи.

Если осуществится то, чего мы желаемъ и чего всѣ люди, преданные родинѣ, должны желать всѣми своими помыслами и всѣми своими силами,—если Россія подъ управленіемъ временнаго правительства разрѣшить благополучно тѣ трудные и сложные вопросы, которые передъ нею стоятъ, вопросы внутренние и внѣшніе, — то тогда передъ глазами народа будетъ фактическій республиканскій режимъ, управление страной безъ царя, управление, выведшее страну изъ труднаго положенія; другимъ же примѣромъ для сравненія будетъ стоять старая ненавистная монархія. Другой, лучшей, монархіи передъ глазами народа не будетъ.

Англійскій писатель Беджготъ въ своемъ сочиненіи говоритъ, что распространенность монархической формы правленія и опоры, которую оно имѣетъ во многихъ странахъ въ широкихъ кругахъ населенія, онъ объясняетъ недостаткомъ у людей воображенія. Людямъ иногда трудно представить себѣ идею государства въ отвлеченномъ видѣ безъ личнаго символа. Но какъ разъ теперь передъ учредительнымъ собраніемъ дѣло будетъ стоять иначе: передъ глазами народа уже будетъ управление безъ царя, и чтобы представить себѣ идеальную монархію, чтобы представить себѣ, не ту, монархію, которая сама сгубила себя, а другую, которая рисуется въ представленіи убѣжденныхъ монархистовъ, уже потребуется особое усиліе воображенія. Я думаю, что вопросъ о монархіи и республикѣ рѣшенъ безповоротно. Конечно, мы не въ правѣ пред-

рѣшать воли народа, которая выразится въ учредительномъ собраніи. Въ моментъ образованія временнаго правительства между всеѣми группами, активно дѣйствовавшими во время революціи, заключенъ священный договоръ, и этотъ священный договоръ заключается въ томъ, что будущая форма правленія должна быть опредѣлена учредительнымъ собраніемъ. Мы должны признавать и признаемъ за учредительнымъ собраніемъ всю полноту его власти въ этомъ дѣлѣ, и мы должны сказать, что мы преклонимся передъ волею народа, какова бы эта воля ни была. Но у насъ остается сейчасъ право и обязанность убѣждать народъ, когда мы будемъ вести избирательную кампанію въ учредительное собраніе и высказать передъ народомъ нашъ взглядъ на форму правленія. И я считаю, что все мы должны употребить все усилія, чтобы убѣдить ту часть населенія, которая можетъ колебаться въ этомъ отношеніи, принять республиканскій образъ правленія, какъ окончательный. Республика имѣетъ значеніе для насъ не только съ точки зрѣнія будущаго. Республика, безспорно, въ нашихъ глазахъ не можетъ не быть наилучшей формой правленія, ибо та форма правленія, при которой нашъ демократическій принципъ господства воли народа осуществляется въ самомъ полномъ и чистомъ видѣ, въ нашихъ глазахъ не можетъ не быть самымъ совершеннымъ. Но къ тому же выводу, къ какому ведутъ насъ эти принципиальные соображенія, приводятъ и неотразимыя потребности текущаго историческаго момента. Мы не можемъ закрывать глаза сейчасъ на грозное положеніе государства, на то, что угрожаетъ новорожденной русской свободѣ. Мы осво-

бодились отъ Романовыхъ, но намъ грозятъ Гогенцоллерны, и въ этотъ моментъ намъ нужнѣе всего объединеніе; и общее признаніе республиканскаго образа правленія болѣе всего способно объединить различныя политическія теченія. Какъ французы въ 70-хъ годахъ, мы можемъ сказать: монархія насъ раздѣляетъ, республика насъ объединяетъ, и кромѣ всѣхъ соображеній, которыя я привелъ, и во имя этого всенароднаго объединенія, мы должны высказаться за республику.

Господа, какъ я уже сказалъ, мы не можемъ ограничиться въ вопросѣ о монархій и республикѣ одной только отвлеченной формой, мы не можемъ ограничиться тѣмъ, что мы включимъ въ нашу программу слова: демократическая республика. Я помню, какъ въ первую избирательную кампанію въ 1-ю Гос. Думу, когда велись споры на политическія темы, мнѣ приходилось встрѣчаться съ многочисленными оппонентами, которые провозглашали демократическую республику. На вопросъ, какъ они представляютъ этотъ республиканскій строй, хотя бы, на примѣръ, въ формѣ ли американской республики, или французской, они отказывались отвѣчать: у нихъ не было въ этомъ отношеніи яснаго, конкретнаго, представленія.

Мы не можемъ становиться въ это положеніе. Конечно, не наша задача вырабатывать сейчасъ во всѣхъ деталяхъ планъ будущаго республиканскаго устройства; но существуютъ нѣкоторыя основныя различія между главными типами республикѣ, и мы должны занять въ этомъ вопросѣ опредѣленное положеніе. мы должны внести въ нашу формулу, гласящую

«демократическая республика», нѣкоторыя конкретныя черты.

Каковы же должны быть эти конкретныя черты. Я думаю, что онѣ опредѣляются тѣмъ нашимъ общимъ міровоззрѣніемъ, а также нашими основными политическими принципами, о которыхъ я уже говорилъ. Вѣдь нашъ политическій принципъ есть прежде всего охрана гражданской свободы или равенства, охрана личности отъ подавленія государственной властью, отъ чрезмѣрнаго сосредоточенія этой власти въ одномъ какомъ нибудь органѣ. Наша программа далѣе требуетъ дѣйствительнаго господства подлинной народной воли, и этотъ пунктъ нашего положенія обязываетъ насъ позаботиться о томъ, чтобы народная воля не могла бы подвергнуться въ будущемъ республиканскомъ строѣ искаженію, чтобы она не могла явиться объектомъ узурпаціи.

Гг., подъ этикеткой «республика» иногда существуетъ государственный порядокъ, ничего общаго не имѣющій съ правовымъ государствомъ. Вѣдь въ исторіи можно указать цѣлый рядъ примѣровъ, когда деспотизмъ или диктатура прикрывались именемъ республики. Мы должны позаботиться, чтобы въ нашей программѣ подъ общей формулой республика не могло быть мыслимо именно такое содержаніе.

И прежде всего выдвигается вопросъ о томъ, чтобы наша республика была республикой, основанной на правовыхъ началахъ, республикой конституціонной, а не абсолютной, потому что бываютъ и абсолютныя республики. И въ этомъ отношеніи та часть наименованія нашей партіи, которую нѣкоторые теперь считаютъ излишней сохранила все свое значеніе. Кон-

ституціонность республики является оплотомъ и огражденіемъ противъ двухъ искаженій начала народоправства, которыя часто повторяются въ исторіи и отъ которыхъ мы должны предостерегать себя самымъ рѣшительнымъ и энергичнымъ образомъ.

Эти два возможныхъ искаженія началъ народоправства слѣдующія: во первыхъ, сосредоточеніе всѣхъ функцій государственной власти въ рукахъ одного представительнаго собранія, такъ что исполнительной власти, въ видѣ отдѣльнаго органа, не существуетъ, а представительное собраніе не только законодательствуетъ, но и управляетъ государствомъ черезъ посредство своихъ комитетовъ или комисаровъ, которыхъ оно назначаетъ и смѣняетъ въ каждый моментъ по своему произволу. Словомъ, это та форма правленія, которая когда-то существовала во Франціи въ эпоху Конвента и которая привела къ жестокому деспотизму и къ попранію всѣхъ правъ личности.

Есть и другая противоположная опасная крайность при республиканскомъ образѣ правленія: это та крайность, при которой исполнительная власть республики поставлена слишкомъ независимо отъ законодателя, и ей предоставлены слишкомъ широкія права. Такая исполнительная власть стоитъ на наклонной плоскости, по которой она скользитъ къ диктатурѣ. Такіе примѣры бывали. Стоитъ вспомнить Людовика-Наполеона во Франціи.

Въ срединѣ между этими двумя крайностями должна держаться республиканская форма правленія. Для того, чтобы дѣйствительно обезпечить господство демократическихъ началъ въ республикѣ, въ ея строе

должно быть проведено раздѣленіе власти. Законодательная власть должна цѣликомъ принадлежать представительному собранію. Въ монархіи законодательная власть принадлежитъ монарху и народному представительству, въ республикѣ она должна принадлежать народному представительству.

Въ этомъ смыслѣ нуженъ пересмотръ редакціи того пункта нашей программы, гдѣ говорится объ участіи народнаго представительства въ законодательствѣ. Въмѣсто этого нужно сказать: о принадлежности законодательной власти народному представительству.

Что касается исполнительной власти, то мы знаемъ два основныхъ типа республики, въ сущности говоря три, но я отбрасываю третій, такъ какъ онъ совершенно не примѣнимъ вообще къ большому государству, въ частности къ Россіи.

Я отбрасываю типъ *швейцарскій*, гдѣ во главѣ правительства стоитъ не одно лицо, а коллегія, избираемая на опредѣленный срокъ народнымъ представительствомъ. Эта коллегіальная организація власти похожа на организацію исполнительныхъ органовъ въ мѣстномъ самоуправленіи. Для государственнаго управленія въ большой странѣ съ широкими и сложными задачами государственной дѣятельности эта форма представляетъ огромныя неудобства, и прежде всего она не обезпечиваетъ политической солидарности правительства. Когда правительство представляетъ коллегію и коллегію избираемую, то въ ней всегда могутъ попасть,—и въ Швейцаріи дѣйствительно попадаютъ—люди различныхъ политическихъ воззрѣній. Эта своеобразная форма правленія существуетъ только въ Швейцаріи.

Во всѣхъ остальныхъ республикахъ существуетъ одинъ изъ двухъ типовъ исполнительной власти: или американскій, или французскій.

Американскій типъ заключается въ томъ, что стоящій во главѣ исполнительной власти президентъ республики избирается на опредѣленный срокъ всѣмъ народомъ и этотъ президентъ республики управляетъ страной не на парламентскихъ началахъ. У президента сѣверо-американской республики нѣтъ министровъ, отвѣтственныхъ политически предъ народнымъ представительствомъ. Его министры—это его личные помощники, которыхъ онъ выбираетъ по своему усмотрѣнiю, не считаясь съ желанiями народного представительства. Президентъ сѣверо-американской республики можетъ управлять,—и въ исторiи Сѣверо-американскихъ Штатовъ бывали такiе примѣры,—онъ можетъ управлять, если считаетъ необходимымъ, совершенно вразрѣзъ съ желанiями народного представительства. Въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ тѣхъ республикахъ, устроенныхъ по ихъ образцу, а таковы большинство американскихъ республикъ, согласованiе законодательной и исполнительной власти не обезпечено. Небезынтересно отмѣтить, что какъ-разъ теперешнiй президентъ сѣверо-американской республики Вудро Вильсонъ, котораго мы только что привѣтствовали, какъ новаго нашего союзника, въ своей книгѣ о сѣверо-американскомъ государственномъ строѣ указываетъ на это неудобство и находить, что должны быть изысканы какiя-нибудь средства для его смягченiя.

Другой типъ исполнительной власти въ республикѣ—это типъ *французскiй*: здѣсь президентъ упра-

вляеть страной черезъ посредство министерства, отвѣтственнаго предъ народнымъ представительствомъ. Это—республика парламентарная, гдѣ министерство всегда должно пользоваться довѣріемъ народнаго представительства и смѣняется, какъ только будетъ утрачено это довѣріе. Президентъ при такихъ условіяхъ не имѣетъ такого реального значенія и такихъ широкихъ правъ, какъ въ типѣ америкаскомъ. Соотвѣтственно этому, онъ не избирается всенароднымъ голосованіемъ. Онъ избирается на опредѣленный срокъ,—въ теченіе котораго онъ, конечно, не смѣняемъ,—народнымъ представительствомъ.

Если мы обратимся теперь къ вопросу о томъ, какой изъ двухъ типовъ организациі исполнительной власти является предпочтительнымъ для Россіи, то я высказываюсь безъ всякаго колебанія въ этомъ отношеніи,—я очень радъ, что съ этимъ согласился всецѣло и Центральный Комитетъ нашей партіи,—за типъ французскій, за типъ парламентарный. Мы считаемъ парламентарный типъ самымъ совершеннымъ, при данной ступени политическаго развитія человечества, способомъ согласованія дѣйствій исполнительной и законодательной власти. Мы считаемъ, что исполнительная власть должна быть отдѣлена отъ законодательной; она не можетъ находиться въ рукахъ законодательнаго собранія, но она должна быть въ своихъ дѣйствіяхъ согласована съ законодательной властью, и средство — для того заключается въ томъ, что выборный президентъ республики управляетъ страной черезъ посредство отвѣтственныхъ предъ народнымъ представительствомъ министровъ.

Въ связи съ вопросомъ о парламентаризмѣ стоитъ и вопросъ о способѣ избранія президента. Способъ избранія всенародный мало подходитъ къ парламентаризму, ибо даетъ представителю исполнительной власти огромную фактическую силу. Всенародное избраніе, пожалуй, ставитъ фактически президента республики выше народнаго представительства, ибо тамъ выбирается нѣсколько сотенъ лицъ, каждый отъ одного только округа, а тутъ одинъ человекъ выбирается всенароднымъ голосованіемъ всей страны. Этотъ фактическій авторитетъ безопасенъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ, какъ въ Сѣверной Америкѣ, принципъ народоправства укрѣпился давно, гдѣ онъ насчитываетъ свое существованіе не десятилѣтіями, а даже вѣками. Но совсѣмъ другое дѣло въ странахъ, вступившихъ впервые на путь республики. Здѣсь всенародное избраніе, ставящее такъ высоко президента, надѣляющее его огромными фактическими возможностями вліянія, можетъ быть опасно для свободы, оно можетъ сдѣлать должность президента республики, какъ это и было въ нѣкоторыхъ странахъ, объектомъ стремленій для всевозможныхъ честолюбцевъ, которые, выступая на этомъ поприщѣ, могутъ пріобрѣсти широкую популярность въ странѣ различными широкими обѣщаніями, которыя они впоследствии нарушаютъ и для которыхъ подобное всенародное избраніе служить мостомъ къ государственномъ перевороту, какъ, напр., это всенародное избраніе послужило мостомъ для Людовика-Наполеона во Франціи, избраннаго президентомъ, а затѣмъ ставшаго императоромъ, и какъ такое же всенародное избраніе служить мостомъ въ южно-американскихъ и централь-

но-американскихъ странахъ для превращенія президентовъ въ диктаторовъ.

Вотъ почему намъ казалось, что мы должны высказаться въ нашей программѣ въ пользу такого принципа, который ограждалъ бы республиканскій образъ правленія отъ этой опасности, и мы признаемъ необходимымъ, съ парламентаризмомъ соединить избраніе президента республики народнымъ представительствомъ.

Такимъ образомъ, на основаніи всего того, что я изложилъ, тѣ положенія, которыя мы должны включить въ нашу программу по вопросу объ образѣ правленія, получить слѣдующій видъ: Россія должна быть демократической парламентарной республикой. Законодательная власть должна принадлежать народному представительству. Во главѣ исполнительной власти долженъ стоять президентъ республики, избираемый на опредѣленный срокъ народнымъ представительствомъ и управляющій черезъ посредство отвѣтственнаго предъ народнымъ представительствомъ министерства.

Вотъ тотъ пунктъ программы, которымъ мы предполагаемъ замѣнить прежній соотвѣтственный пунктъ нашей программы.

Позвольте мнѣ, гг., въ заключеніе моей рѣчи еще разъ вернуться къ тому общему значенію, которое имѣетъ въ настоящій моментъ провозглашеніе со стороны нашей партіи республиканскаго принципа. Я уже говорилъ объ его значеніи, но не коснулся еще одной стороны предмета. Наша русская

свобода родилась среди мировой борьбы, и среди этой мировой борьбы она должна будет утверждать свое право на существование. Въ настоящее время этой нашей свободѣ угрожаетъ не только внутренней врагъ, который въ настоящую минуту обезсиленъ; ей угрожаетъ еще больший врагъ — внѣшній. Ей угрожаетъ то государство, которое было всегда за послѣднее время въ Европѣ оплотомъ реакціи, наиболѣе усовершенствованной, наиболѣе модернизированной и потому наиболѣе опасной, — государство, которое въ настоящее время уже явно на глазахъ у всѣхъ является приближищемъ для всѣхъ мировыхъ реакціонныхъ стремлений, которыя подъ этимъ знаменемъ собираются. Тотъ фактъ, что среди этой борьбы, съ монархіей Гогенцоллерновъ и съ ея союзниками, въ Россіи провозглашено начало господства народной воли, уже сыгралъ огромную роль.

До того наше положеніе было тягостно. Мы приняли эту войну, мы оцѣнили ея мировое значеніе, мы участвовали въ веденіи ея не за страхъ, а за совѣсть, ибо мы ставили ей освободительныя задачи. Но трудность нашего положенія заключалась въ томъ, что освободительную войну мы должны были вести подъ знаменемъ, на которомъ лежало пятно деспотизма. Теперь мы освободились отъ этого знамени. Это знамя упало, его больше нѣтъ, и теперь предъ лицомъ всего міра вскрылся ясно безъ всякихъ возможныхъ сомнѣній смыслъ этой войны.

Когда война ведется освобожденнымъ русскимъ народомъ и не подъ флагомъ монархіи, а подъ флагомъ народной воли, когда она ведется съ монархіей Гогенцоллерновъ, въ союзѣ съ величайшими въ мірѣ

народоправствами, ни для кого не можетъ быть сомнѣнiя въ смыслѣ и значенiи этой войны.

Значенiе переворота, совершившагося у насъ, было оцѣнено уже съ этой точки зрѣнiя и тѣмъ великимъ нашимъ союзникомъ, который только что вступилъ въ наши ряды. Президентъ сѣвероамериканской республики Вудро Вильсонъ въ своемъ обращенiи къ Конгрессу упомянулъ о русскомъ переворотѣ и упомянулъ именно въ томъ смыслѣ, что этотъ переворотъ уясняетъ окончательно предъ глазами всего мiра смыслъ и характеръ этой войны.

И когда наша партiя, которая не стоитъ на крайнемъ флангѣ нашей общественности, которая всегда тщательно взвѣшивала и обдумывала свои рѣшенiя, за которой идетъ часть страны, не склонная къ слишкомъ быстрымъ и легковѣснымъ порывамъ, когда наша партiя выскажется за республиканскiй режимъ, то это внесетъ новую яркую черту въ положенiе нашей страны предъ лицомъ всего мiра. Она ясно укажетъ, что Россiя безповоротно вступаетъ на новый путь и что Россiя, вступившая сама на путь свободы, не можетъ нести другимъ народамъ ничего, кромѣ свободы.

2-04-07928

Планаты, листки и брошю
«Народной Свободы». Се
братство».

- 1) «Помните о войнѣ».
- 2) «Поддержимъ нашу армию дружной работой на оборону».
- 3) «Приказы солдатамъ и воинская дисциплина».
- 4) «Прислушайтесь къ словамъ Министра Юстиціи и Совѣта Рабочихъ Депутатовъ».
- 5) Только порядокъ и организація предотвратятъ голодъ.
- 6) Пробуждайте мѣстную городскую жизнь.
- 7) Новый строй и земля.
- 8) Кому слѣдуетъ повиноваться.
- 9) Въ дисциплинѣ—спасеніе арміи и страны.
- 10) Солдаты! (Снасите Россію, спасите нашу армию).
- 11) Рабочіе, солдаты, граждане.
- 12) Защищайте свободу печатнаго слова.
- 13) Революція и война.
- 14) Министры новаго Правительства (листокъ, печатается).
- 15) Извлеченіе изъ телеграммы В. Г. Короленко.
- 16) Наказъ представителю въ Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.
- 17) Призывъ революціонера Крапоткина.
- 18) Телеграмма Предсѣдателю Совѣта Министровъ кн. Львову—студентовъ Политехническаго Института.
- 19) Что думаютъ въ Германіи о предложеніяхъ мира.
- 20) Рѣчь Родичева объ отношеніи къ войнѣ (листокъ).
- 21) Республика. Э. Э. Кокошкина. Брош. Ц. 20 к.
- 22) Учредительное Собраніе Э. Э. Кокошкина. Брош. Ц. 20 к.
- 23) Тактика партіи «Народной Свободы» М. М. Винавера. Брош. Ц. 20 к.

Цѣна 20 коп.

Съ требованіями обращаться: Французская набережная д. 8,
нв. 6 и въ книжн. магаз. «Право» (Литейный пр. д. 28).